

Дмитрий Мережковский

Сильвио

Драматургия

Дмитрий Мережковский

Сильвио

«Public Domain»

1887

Мережковский Д. С.

Сильвио / Д. С. Мережковский — «Public Domain»,
1887 — (Драматургия)

«Внутренность высокой башни. Перед открытым окном, в котором виднеется
звездное небо, стоят Базилио и Шут...»

Содержание

Пролог	6
Первое действие	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Сильвио
фантастическая драма

Действующие лица:

Базилио, правитель страны.

Сильвио, его сын.

Клотальдо, приближенный Базилио

Шут

Придворные

Военачальник

Виночерпий

Казначей

Беатриче, куртизанка

Дамы, фрейлины

Пажи

Женщины из народа, бедные работницы

Народ, ремесленники, воины, мужики, горожане и др.

Действие происходит во владениях Базилио, в сказочной стране. Между прологом и действием 1 проходит 17 лет.

Пролог

Внутренность высокой башни. Перед открытым окном, в котором виднеется звездное небо, стоят Базилио и Шут.

Базилио.

Неведомая творческая сила
Во всех мирах бесчисленных явления
В одну живую цепь объединила.
И в цепи той небесные светила —
Последние сверкающие звенья
Туда, туда, к ночному небосводу
С несметными лампадными огнями
Летит чрез все века, чрез всю природу
Движение незримыми волнами. —
Так зыбь от камня, брошенного в воду.
Широкими расходится кругами.
Все выше, выше к сумрачной лазури
Возносится и детский слабый лепет.
И гром лавин, и рев могучей бури,
И над прудом плакучей ивы трепет
В безмолвных звездах будущее дремлет.
Как в золотых клубках, в них скрыты нити
Изменчивых, неведомых событий.
Лишь гордый ум вселенную объемлет.
Что жалкий скиптр, венец и пурпур тленный
Пред властью науки бесконечной!
И что за честь толпой рабов презренной
Владеть тому, кто над природой вечной
Царит одною мыслью вдохновенной!
Я здесь лишь – царь: я с высоты взираю
На жалкий мир, волнуемый страстями,
И жизнь, и смерть, как Бог, я созерцаю.
О дай припасть мне жадными устами
К живым сосцам, божественное Знанье
И утоли мне страстное желанье
Живого млека сладкими струями!

Шут.

Ты мыслью облетел великую природу.
Но для чего? – чтоб знать, как беден ты и слаб.
Чтоб вечно чувствовать, что ты бессильный раб.
И вечно рваться на свободу.
Удар судьбы – и вот ты бледен, ты смущен.
Где знания твои. где гордая решимость?..

Как будто не для всех одной судьбы закон.
Как будто не для всех одна необходимость!
Не стоило, мудрец, так много книг читать.
Чтоб только разгадать ничтожество вселенной...

Входит Вестник.

Вестник.

Да здравствует король самодержавный!
Царица, в тишине уединенной виллы,
Где эти дни она в молитве провела.
Тебе наследника твоей короны славной
Порфиросного младенца родила,
Он – чудо красоты, величия и силы.

Король.

Вели скорей коня седлать!
Я к ним бегу, лечу обнять
Младенца милого и мать.

Вестник уходит.

Но нет о сердце не затем
Сюда пришел я: глух и нем
К земному счастью мудрец.
Я не супруг, я не отец.
Я здесь не счастлив, не люблю.
И радость в сердце подавлю.
Во тьму времен гляжу теперь.
Как в распахнувшуюся дверь.
И вас молю я в тишине.
О сонмы звезд откройте мне
Новорожденного судьбу
Науки верному рабу.

Идет к окну, смотрит на звезды и составляет гороскоп.

О горе мне! Среди небес.
Как в складках порванных завес,
Над краем сумрачной земли
Комета вспыхнула вдали.

И мир смятением объят,
Бледнеют звезды и дрожат.
Пред тем, чтоб в ужасе упасть
В ее зияющую пасть.
О Боже, верить ли очам?
Но рок не лжет, читаю сам
С невыразимую тоской
В скрижалях неба голубой
В сияньи звезд мой приговор.
Спасенья нет – и жизнь позор.
Мой сын – злодей; мой сын – тиран
И, жаждой крови обуян,
Как зверь кидается на всех.
Разврат... и оргий дикий смех...
Мятеж, – и царство как в огне
В братоубийственной войне.
И тот, кто был безумно горд.
Склонив главу, в пыли простерт,
И с поруганьем на нее
Он наступил, дитя мое.
Но чем младенец виноват.
За что безвинного казнят?
Пока беда висит над ним
Он дремлет, чистый херувим.
Без дум, без воли и греха —
И колыбель его тиха.
Но рок не дремлет, час пробьет,
И кто-то злобный натолкнет
На преступления тебя,
Все разбивая, все губя.
И ты – преступник, и сойти
Нельзя с позорного пути.
В утробе матери своей —
Ты небом проклятый злодей
Я не пророк, я не мудрец.
Я только любящий отец.
Но что порыв моей любви.
Что слезы жалкие мои,
Все видеть, чувствовать и знать —
И покоряться, и молчать!..

Входит Клотальдо, королевский канцлер

Клотальдо.

Тебя с наследником, мой царь.
Поздравить я пришел...

Базилио.

Клотальдо, я не царь.
Ты знаешь ли, пред кем, благоговей.
Колена ты склонил? – перед отцом злодея.
О, если б пред тобой был честный государь.
И любящий народ, и преданный закону.
Давно уже, не внемля ничему. —
Ни голосу любви своей, ни стону
Несчастной матери, он сыну своему
Разбил бы голову о камень. Бедный, милый.
Погибший сын, неведомою силой
Ты на злодейства обречен.
Мелькнешь ты грозным метеором.
Венец мой запятнав проклятьем и позором.
И нет спасенья, нет. Таков судьбы закон.
Под ликом ангела коварный демон скрылся.
Дыханье уст его – как аромат цветов...
Но легче было б мне, чтоб в сумраке лесов
Чудовищем косматым он родился.

Клотальдо.

Кто лживый, дерзостный пророк,
Кто царский дух смутил лукавыми речами.
Кто нечестивыми устами
Судьбу ужасную наследнику предрек?

Базилио.

Он тот, кому и мстить я не могу!
Что мой палач, моя секира
Созвездьям вечного эфира —
Неодолимому врагу.
Увы! от них какие брони.
Какие крепости спасет,
От их безжалостной погони
Какие бешеные кони
Добычу рока унесут?

Клотальдо.

Тебе ли царь, склониться в детском страхе
Под иго случая главой покорной?
Взгляни – ничтожный червь и тот во прахе

С врагом пред смертью борется упорно.
А ты, умом и волей одаренный.
Ужель падешь, без битвы побежденный?
Порви оковы трусости позорной:
Бессмертной жизнью грудь твоя согрета.
О, пусть кругом ревут и стонут бури,
Но там, в глубоких недрах сердца где-то
Есть уголок немеркнувшей лазури.
Одна в груди – божественная сила,
Одна скала – на разъяренном море,
Над ней не властны – ни земное горе.
Ни рок, ни смерть, ни боги, ни светила.
Та сила – *долг*. Найди же в ней опору,
И светлой мыслью победив природу.
Стихий безумных бешеному спору
Противоставь разумную свободу.
Ты сам себя, о смертный, будь достоин.
Коль надо пасть – пади на поле брани,
Бразды судеб сжимая в твердой длани.
Лицом к врагу, как побежденный воин!

Король в глубоком раздумьи.

Шут (*напевает про себя*).

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы.
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе.
И судьбе слепой.
Все покорно – влага, пламень.
Птицы, звери, мертвый камень;
Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
Гордый человек.
Но увы! лишь те блаженны.
Сердцем чисты те.
Кто беспечны и смиренны
В детской простоте.

Нас, глупцов, природа любит.
И ласкает, и голубит.
Мы без дум живем.
Без борьбы, послушны року.
Вниз по вечному потоку.

Базилио (*выходит из задумчивости*).

Клотальдо, что же делать?

Клотальдо.

Дай мне сына.
От мира надо скрыть ребенка твоего.
Народу возвестив, что ранняя кончина
Безвременно похитила его.
И тихо заживу я с ним в уединеньи;
Мой царь, мой друг, доверься мне:
Его, как нежное растение,
Я воспитаю в тишине.
Не будет горестна его простая доля.
Коль лучше всех корон сердечный мир и воля
В тиши неведомых лесов.
Вдали от шумных городов.
От лицемерья и порока
Его, как чистую лилею, возрощу.
Ему, чтоб превозмочь несправедливость рока.
Всю нежность, всю любовь и силы посвящу.
Я стар и одинок; из душного чертога.
Из града пыльного давно меня влечет
Туда, туда, под звездный небосвод,
В пустыни вечные, где слышен голос Бога.
И я мечтал уже давно:
Ужель спасти нам не дано
От нашей лжи людской, от гибели позорной.
В оковах пошлости тлетворной
Одно хоть сердце юное, одно.
И снова дать ему блаженное незнанье;
Пред вольной птицей клетку отворить:
Лети, лети в лазурь, свободное созданье!
Святым его святой природе возвратить.
О, если гложут нас бессонные печали
На ложах пурпурных и в мраморных дворцах.
О, если мы одну, одну лишь скорбь познали
В заветах мудрости, в богатстве и пирах.
Быть может, нет и там от жгучих дум спасенья.
Здоровья, счастья и забвенья

Там, в простоте, в затишии лугов.
Где на заре последняя былинка
И одинокая росинка
Так жадно солнце пьют, так счастливы без слов.
Мой царь, на склоне лет Клотальдо не обманет.
Он не погубит сына твоего.
Он друга старого любить не перестанет...
Доверь младенца мне, молю – отдай его.
Спаси народ, спаси себя!..

Базилио.

Ты прав.
Мне долг велит – иного нет исхода —
Все чувства нежные поправ,
Пожертвовать младенцем для народа.
Но все ж я человек... о, слишком тяжело
Гнетет корона золотая
И клонится к земле, изнемогая
Под бременем венца усталое чело.
Идем же, старый друг...
С какою сладкой мукой
Подкрадусь я, как вор, к ребенку моему...
Не бойся, я будить его не стану, и к нему
Тихонько подойду – ни жалобы, ни звука,
Я только посмотрю и только, пред разлукой,
К шелковым пеленам уста мои прижму...
Родимый мой, прости, прости навек мой милый...
Клотальдо, тяжело мне... о Боже, дай мне силы!..

Базилио и Клотальдо уходят.

Шут (*один на полутемной сцене*).

Король младенца губит сам.
Он мнит себя судьбой гонимым.
И глупым бредням и мечтам
Он сыном жертвует любимым.
Себе мы горе создаем.
И сны, и призраки пустые
Мы древней мудростью зовем
Предубежденья вековые.
В колодце, в черной глубине.
Мы видим, влагой отраженный,
Свой образ собственный на дне:
Так ум наш робкий и смущенный,
Склонясь над мертвой пустотой,

Во мраке вечности немой
Свое лишь видит отраженье
И суеверно чтит его.
Как высший ум и божество.
Как волю звезд и провиденье.
Дохни лишь разумом на них —
И сон исчез неуловимый.
И нет уж призраков ночных
И воли звезд непобедимой.
Но люди-трусы не поймут
Могучей силы отрицанья:
Я одинок, философ-шут.
Но втайне полон состраданья.
В насмешках теплится любовь;
Мне жалко их; продвигу вновь
Борьбу, ненужные мученья.
Бесцельно льющуюся кровь.
За тень мечты, за сновиденья.
Но жалость робкая моя
Бессильна... Если б молвил я:
«Стыдитесь верить предрассудку!»
Они бы распяли меня,
Иль мудрость приняли за шутку.

Занавес.

Первое действие

Скалы, покрытые лесом; у входа пещеры Клотальдо. После пролога прошло 18 лет.

Клотальдо.

Уж вечереет; солнца луч
Не так отвесен, бел и жгуч;
И золотистый, мягкий свет
Какой-то благодатью согрет.
Как пар, волнуясь над землей.
Еще тяжелый дышит зной.
На голой, розовой коре
Огромных сосен на горе.
На серых, мертвых лишаях.
На тихих, выжженных камнях.
А там – меж ясеней немых,
Дубов и вязей вековых —
Уж ночь зеленая: там – тень
И усыпительная лень;
Там на гнилой коре стволов
Наросты влажные.
Там слышен вздох уснувших фей —
То между спутанных ветвей
Журчит невидимый ручей
И нежный мох кропит росой...
Но луч прорвался золотой
В ту ночь, – и блеском залита
Стрекоз влюбленная чета:
Они в лобзании на миг
Слились, и к стану стан приник.
Над изумрудным тростником
Пылая синим огоньком.
О, как прекрасен Божий мир.
Как чист сияющий эфир!..
Природа молится и ждет.
Что ангел мира снизойдет.
И небо говорит «прости»
Земле, пред тем, чтоб отойти
Ко сну... Пред тем, чтоб задремать
Они целуются: так мать,
От колыбели уходя,
В последний раз свое дитя,
Чтобы спалось ему светло,
Целует в сонное чело.
Довольно грез; пора готовить ужин.
С охоты Сильвио придет голодный
Тому, кто с волею природы дружен.

Тому, кто без рабов живет свободный.
Котел с похлебкой так же мил и нужен,
Как вешние пленительные розы.
Как золотые девственные грезы.
С тех пор, как мы работниками стали,
Ни для каких красот земли и неба,
Ни для какой возвышенной печали —
Забыть нельзя кусок насущный хлеба.
От гордости навек мы отрешились
И, наравне с растеньями, зверями.
С несметными живыми существами,
Закону общей жизни покорились.
И вот мы счастливы, и сам собою
Решился вдруг, так просто, без мученья.
Вопрос о жизни; если же порою
Смущают душу старые сомненья
И прежняя тоска меня тревожит —
Работать я иду, и никакие
Вопросы, думы, страсти роковые
Труду ничто противиться не может.
Вот и Сильвио: под мехом,
С луком звонким и копьем.
Он добычу мчит со смехом.
С торжествующим лицом.
То с блестящими клыками
Окровавленный кабан;
С этой ношей над скалами
Мчится юный великан.
И колючки в гриве львиной
От терновника вплелись.
И с косматою щетиной
Кудри черные слились.
Облик мужествен и грозен.
Взор величествен и строг...
Весь, как юный полубог
Он могуч – и грациозен
Но прекрасней ли одежд
Эти мускулы стальные,
Эта тень стыдливых вежд.
Члены бодрые, нагие,
Крови юношеской жар.
Кожи бронзовый загар...
Вот оно дитя природы
Посмотрите на него:
Это – жизни и свободы.
И здоровья торжество!

Вбегает Сильвио.

Клотальдо.

С добычей, Сильвио!

Сильвио (*сбрасывает с плеч кабана к ногам Клотальдо*).

Блестящая победа!..
Взгляни, отец, взгляни, какая дичь!

Клотальдо.

Кусок достойный царского обеда...
То лучшая из всех твоих добыч.

Сильвио.

Ты знаешь ли, как зверя я нашел?..

Клотальдо.

Нет, прежде сядь и отдохни: котел
Поет уж на огне, и теплый, ароматный
Над ним клубится пар.

Сильвио.

О запах благодатный!
Я голоден, дай ложку мне скорей,
Потом начну рассказ, от счастья и волненья
Я голода не замечал: полней
Янтарным супом чашку мне налей.
Но слушай...

Клотальдо.

Вот плоды и сладкие коренья.
Вот хлеб и овощи, и золотистый мед —
Подарок диких пчел – и в глиняном кувшине
Студеная вода...

Сильвио.

Весь день среди болот
Сегодня я блуждал; в траве, во мхах, в трясине
Искал я с жадностью чуть видимых примет.
Стоял до пояса в гнилой, зловонной тине,
Казалось, был готов лежать всю жизнь, весь свет,
Чтоб зверя в камышах найти пахучий след —
Но тщетно! Тишь кругом; над головой жужжала
Лишь туча комаров; ни запаха, ни следа.
И ослепительно, недвижимо дремала
Под пленкой радужной стоячая вода.
И сон, и блеск в очах, ослабевало зренье...
Вдруг – шелест в тростнике... О, сладкое мгновенье!
Как сердце дрогнуло! Едва сдержал я крик
Безумной радости; как зверь, могуч и дик.
Я к зверю кинулся, вонзил мой кортик в спину.
И кровью обагрил косматую щетину.
От боли он завыл и прыгнул на меня;
Я спрятался за пень, – то был мой панцирь крепкий.
И белые клыки, раскидывая щепки,
Вонзились в дерево расколотого пня.
Как змей, одним прыжком я бросился, проворный,
К врагу; хребет ему коленами сдавил —
И захрустела кость; он из последних сил
Рванулся; но меж игл щетины непокорной
Я в ребра острый нож чудовищу вонзил.
И, сердце щупая, предсмертным трепетаньем
Упился с жадностью, и пальцы погружая
Во внутренности, в кровь, лицо к ним приближал
С неведомым, но сладким содроганьем.

Клотальдо.

Опомнись, Сильвио... я вижу в первый раз
Такой зловещий блеск у этих милых глаз —
В них что-то чуждое мелькнуло... Что с тобою?
О, сын мой, не давай ты овладеть душою
Жестокости.

Сильвио.

Прости, увлек меня рассказ...

Клотальдо.

Не правда ли, не мог ты наслаждаться кровью?

О, я воспитывал тебя с такой любовью.
Ты зла, людского зла не видел с первых лет.
Когда затравлен зверь и, раненный смертельно.
К тебе подымет взор с тоскою беспредельной.
Тот ясный, страшный взор, где мысли виден след.
Ты жалость чувствуешь к нему, неправда ль?

Сильвио.

Нет!
Мне никогда рука не изменяет
Не дрогнет верный меч!

Клотальдо.

Но зверь страдает.
Страдает он, как ты...

Сильвио.

Какое дело мне!
Кто хочет жить – борись в безжалостной войне!
Смерть – побежденным! Прав лишь тот, кто побеждает.

Клотальдо.

Но жалость лучшее, что есть в сердцах людей...

Сильвио.

В лесу я никогда не видел сострадания.

Клотальдо *(после раздумья)*.

Мой милый Сильвио, лежал ли ты порою
В траве росистой, утренней зарею
И чем-то тронутый до глубины души.
На влажные цветы смотрел ли ты в тиши.
Как на друзей давно знакомых?
И долгие часы следил ли, как дитя
В тот мир волшебный уходя.
За жизнью слабых насекомых?
Не правда ли, тогда к растениям и зверям.

И даже к мертвым, сумрачным скалам
Рождалось кроткое в душе благоволение?..
И был в лесу глухом ты. как в семье родной.
И с миром жизнь одну ты чувствовал душой.
Как будто сердца общего биенье.
Былинка каждая была тебе близка.
И ты любил ее, в родство с природой веря.
И ты жалел в полях последнего цветка.
Птенца без матери, страдающего зверя?..
Ты сразу сделать всех счастливыми хотел
И, кажется, весь мир любовью бы согрел,
Неправда ль. Сильвио?

Сильвио уснул, положив голову на колени старика.

Не слышит он и дремлет...
Он слов моих не мог понять, но в этот миг
Так трогательно чист его безгрешный лик.
Как будто ангелу-хранителю он внемлет...
Спи, милый сын мой, спи: к чему тебя будить...
Должна его сама природа научить
Одной улыбкою своею
Прощать, мириться и любить.
С молитвой за него склонюсь я перед нею...

Целует спящего Сильвио и отходит.

Зал во дворце. Базилио и Клотальдо

Базилио.

Ужель над светлою наукой ты глумишься.
Над мыслью вольною, не знающей оков.
Над драгоценнейшим наследием веков...
Презрением к нему, как школьник, ты гордишься!

Клотальдо.

Нет, не над знаньем я глумлюсь, но над забавой,
Над детскою игрой, что знаньем ты зовешь:
Без дела, без любви, вся мудрость ваша – ложь.
Ты думал ли, мудрец, какой ценой кровавой
Мгновенье каждое досуга твоего
Купил ты у судьбы? Чтоб мог, как божество,
Ты опьянять себя блаженством созерцанья

В книгохранилищах, меж статуй и картин,
Под сенью мраморной, беспечен и один
В пыли пергаментов вкушать всю негу знания —
Ведь должен кто-нибудь от счастья отказаться.
Как вол, безропотно влачить железный плуг.
Чтоб мог воздушною ты грезой упиваться
Чтоб знанье дать тебе, и роскошь, и досуг.

Базилио.

Нет, совесть мне кричит, что ты не прав мой друг.
Когда для знания, для подвига святого
Я бескорыстною любовью отдаю
Сокровища, покой, и дружбу и семью.
Ужель посмеешь ты клеймить меня сурово.
Как будто в праздности я трачу жизнь мою?
Иль мозга моего не тягостней работа,
Что если б землю рыл я с заступом в руках,
Иль меньше я тружусь, чем пахарь на полях,
И на лице моем не те же капли пота?
Устал я, как мужик, измученный в страду
Не острою сохой, а мыслию свободной
На поле умственном взрывая борозду,
И ты назвал игрой мой подвиг благородный!

Клотальдо.

Наш мир по-прежнему отчаяньем объят...
Нам груды книг твоих души не утолят.
Бесплодных ваших дум нас не согреет пламень.
Нет! Бога жаждущим – ты Бога не открыл.
Зачем и как нам жить – глупцов не научил.
Просили хлеба мы – вы подали нам камень.

Базилио.

Безумец, не оно ль, не знанье ли дает
Вам, недостойным, власть над вечною природой.
Не просветило ли сознанием и свободой
Оно ваш темный ум? Свершая свой полет
Высоко над толпой, над скованным народом.
Из состраданья к вам, наука мимоходом.
Кидает в дальний мир небесные дары.
В ответ звучат лишь крики черни:
«Готовьте ей венки из теней,
Готовьте плахи и костры!..»

Двуногий зверь, слепой и вечно полный страха,
Ты прозябал в лесах, но знание пришло.
Благое, светлое, и подняло из праха
И к звездам блещущим победно вознесло —
Твое поникшее, угрюмое чело.
И в нем ли пользы нет – коль ставите вы гранью
Лишь пользу жалкую – божественному знанию!

Клотальдо.

О горе, горе вам, вожатаи-слепцы,
Учители, пророки, мудрецы;
Вас слишком позднее раскаянье постигнет.
И задохнетесь вы от пыли мертвых книг.
Теперь уж скорбь томит, но в тот ужасный миг
Она безумного отчаянья достигнет!
Тогда вы молвите горам в предсмертный час:
«Падите, горы, скройте нас!»

Базилио.

Я на посту моем останусь до конца;
Пред истиной дрожат лишь слабые сердца.
О, как бы ни были мне тягостны страданья
От беспощадного, правдивого сознанья —
Я в разум верую и не страшусь его.
И громко исповедую науку.
И за нее готов пойти на смерть и муку.
Как за Спасителя и Бога моего!..

Клотальдо.

Прости, я говорил с невольным раздраженьем.
Окончим спор... Король, боюсь я одного.
Что может Сильвио, питомца моего,
Похитить у меня ваш мир, объятый тленьем...
О, только молви: «нет», уйми мой страх в груди.
И, если не меня, – хоть сына пощади.

Базилио.

Благодарю тебя за преданную службу.
Но я прошу – как царь и любящий отец —
Теперь в последний раз ты докажи мне дружбу
С царевичем скорей вернитесь во дворец.

Клотальдо.

О, сжался, сжался, друг, над нами.
Ужели в бездну мой цветок
Я брошу старыми руками
Чтоб растерзал его волнами
Ваш мутный, бешеный поток!

Базилио.

Он сын мой...

Клотальдо.

Нет, он мой – по праву,
Я жизнь, я счастье дал ему...

Базилио.

Я дам престол, отчизну, славу...

Сильвио.

Ты заточишь его в тюрьму.
Как будто здесь, в роскошной клетке.
В унылых, мраморных дворцах.
Забудет птица о полете.
О колыхающейся ветке.
О беспредельных небесах...

Базилио.

Но я люблю его...

Клотальдо.

О, Боже,
Он света солнца мне дороже.
Ему всю жизнь я посвятил.
Его, как женщина, с любовью
Я на груди моей носил;

Порой, склоняясь к изголовью.
Мои седины забывал,
Его баюкал, пеленал,
Я непривычными руками.
И часто дряхлыми устами
Я песни детства напевал...

Базилио.

Когда гляжу, угрюмый, бледный.
На игры юношей порой —
Я втайне думаю с тоской:
А где-то Сильвио мой бедный.
А где-то сын мой дорогой?
Ко мне скорей, мой мальчик милый.
Еще хоть раз обнять его...
Старик, терпеть нет больше силы —
Отдай мне сына моего!..

Клотальдо.

Но как бороться с волей Бога
И с властью грозною светил?..

Базилио.

Я все обдумал, все решил.
Слова мои исполни строго:
В напиток опиума дашь
Ты Сильвио; и побежденный
Струей могучей влаги сонной.
Уснет беспечно отрок наш.
И, сном объятого глубоким.
Его в чертог перенесем —
Узнаем все: каким царем
Он будет – кротким иль жестоким;
Если разумом людским
Мы воли звезд не победим.
И будет Сильвио тираном —
Мы вновь спасительным обманом
Его в пустыню возвратим.

Клотальдо.

Но может быть, мольбой смягченный..?

Базилио.

Молчи, ты воли непреклонной
Не победишь...

Клотальдо.

О, пожалей...

Базилио.

Напрасно все: идем скорей.
Я дам тебе напиток сонный.

Король и Клотальдо уходят.

Входит толпа придворных. Дама и Шут.

Дама.

О дайте мне флакон, скорей флакон духов:
Я зверя видела: как лунь седой, косматый.
Со взором бешеным, под шкурою мохнатой
Он шел за королем; и от его шагов
Вся мраморная лестница дрожала.

Молодая дама.

Едва я в обморок от страха не упала...

Кавалер.

О, да, сеньора, видел я:
Позвали вы к себе хорошенького пажа.
Чтоб распустить шнурки атласного корсажа.

Царедворец.

А между тем, вы знаете ль, друзья,
Что этот варвар, зверь двуногий —
Любимый канцлер короля!..

Старая дама.

Не может быть! Клотальдо?

Царедворец.

Да.

Старая дама.

О, боги!
Куда стремишься ты, развратный век!
Увы! Мне этот бедный человек
Воспоминаниями дорог:
Я помню времена – тому уже лет сорок —
Когда Клотальдо был блестящий кавалер.
Исполненный приятнейших талантов,
Ума, изящества и грации пример:
Он первый в моду ввел из крупных бриллиантов
Носить большие пряжки на чулках.
И к шпагам золотым серебряные ленты.
Бывало, как зефир он мчится на балах;
Какие нежные шептал он комплименты —
И вдруг – создатель мой – теперь на склоне лет.
Он зажил диким зверем со зверями.
На общество волков он променял наш свет!
Какие времена! О, что-то будет с нами!

Кавалер.

Я в щелку двери подсмотрел.
Когда в приемной он сидел;
И что ж увидел я, о, небо!
Огромный, черствый ломоть хлеба
Он луком заедал.

Другой кавалер.

Не луком, чесноком!

Молодая дама.

Фи!

Старая дама.

Тошно мне!

Камер-юнкер.

Всю комнату потом
Я должен был кропить духами.

Царедворец.

Осмелюсь ли, сеньоры, перед вами
Его преступное ученье изложить:
В деревню он зовет работать с мужиками.
На лоне любящей природы жить.
Чтоб для какого-то невидимого братства.
Мы бросили чины, и службу, и богатство.
Чтоб наравне с последним батраком

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.